

ЮБИЛЕЙ

Сегодня вся страна, желающая в едином порыве поздравить его с днем рождения, вряд ли дозвонится до юбиляра. Потому что юбиляр — Армен Джигарханян — накануне без артистического шума сел в самолет и улетел. Он всегда сматывался, когда подкатывала очередная дата, объясняя это не столько природной скромностью, сколько устойчивостью привычки. А с годами, как известно, все привычки, особенно дурные, только крепчают. Но мы не можем пройти мимо его юбилея.

УЕДИНЕННЫЙ

— Армен Борисович, вам противно, когда напоминают о возрасте и называют цифру 70?

— Нет, мне все равно, не переживаю ничуть. Я не знаю, сколько мне на самом деле лет — 70 или...

— Вы — как грузинский художник Пиромани, который утверждал, что его сестра старше на 12 лет.

— Знаешь смешной анекдот? Неприличный: во время свадьбы встает тамада. Собирается говорить, но... пукает. Ну весь город только это и обсуждал. От стыда он бежал. Прошло лет 15, он вернулся. Идет по городу, видит, мальчик играет. Подходит к нему: "Здравствуй. Тебя как зовут? Сколько тебе лет?". "Я не знаю, сколько лет мне, — отвечает мальчик. — Но я знаю, что родился в тот год, когда тамада перднул"...

Он смеется низким голосом, тембр которого можно узнать всегда. Стал совсем седым, но по-прежнему этот армянский мужчина для меня веселый философ — странное сочетание мудрости, хохм и парадоксов. Вот спрашиваю, как за годы изменилось его отношение к важным вещам в жизни.

— Например, к театру?

— Заранее скажу, что для меня это чудо. И чем дальше, тем чуднее. Кино — техника, а в кино так же не понимаю, как и в самолете. А театр — это как роддом, как любовь, как зачатие. Я честно тебе говорю, так, как думаю. Бесконечны возможности театра. Бесконечны!!! На 3—4 процента используются сейчас его возможности. Я, например, знаю, что самое интересное в театре — это взаимоотношение зала и сцены. Та энергетика, которая обжигает, зажигает, прижимает и т.д.

— Но вы, харизматичный, с сильной энергетикой актер, неужели будете убеждать меня в том, что зал способен вас скрутить?

— Опять тебя спрошу: ты можешь мне рассказать, когда я начинаю хотеть это? (сильное ударение на последнее слово. — М.Р.). Это!!! Ты, наверное, с самодовольными идиотами общалась, которые тебе говорили: "Вот я вышел — и ай-яй-яй!". Это сложная вещь — как один раз я желаю, возделюю и не получаю то, что желаю, а в другой раз — переполучаю сверх. И это в театре происходит е-же-днев-но! И не зависит от того, в Авиньоне действие происходит или в Йошкар-Оле. Поверь, я ничего не выдумываю. Помнишь роман "Женщина в песках"? Им говорят: займитесь любовью, а у него не получается. Вот это происходит ежедневно в театре. Потому что за ним наблюдают, потому что они стараются, интимность нарушается.

Очень может быть, что через 3 дня я тебе позвоню и скажу, что я глупый. Но у меня ощущение, что это некая тайна. Религия точно поняла это. Вот я сейчас был в Эчмиадзине, где католикос живет, там крестили ребенка. И вот крестины, священники гудят: "Аля-буда — ляба дыза..." (на одной ноте низким голосом имитирует обряд. — М.Р.), потом повернулись спи-

ДЖИГА

Армен Джигарханян: "Театр — как роддом, как любовь, как зачатие"

ной все, и никто не рискует туда пойти, посмотреть. Они понимают, что есть вещи, которые нельзя отгадывать. Как только мы отгадаем, мы будем неинтересны. Самим себе.

Антон Павловича заболело это, поэтому он пытался сказать Художественному театру: "Не решайте проблемы сразу — этот любит этого, а тот — того". Очень разнообразны эти вещи — как в жизни, так и в любви. Потому что ни одна пара в мире не бывает так изобретательна, как может быть только эта конкретная пара. Хотя существует какая-то технология, но две особи — зверь с двумя спинами, как говорил Шекспир, — невероятно изобретательны.

— Речь идет не только о сексе?

— Нет, обо всей истории общения. Беккета как-то спросили: "Почему ты начал писать пьесы?" Он ответил: "В театре есть нечто выше слова". Вот это что такое?

— Не знаю.

— Вот и я не знаю. И я не устал искать это нечто, это самое интересное. Если устану, значит, я уже умер.

— Что для вас потеряло смысл из прежнего и не имеет цены?

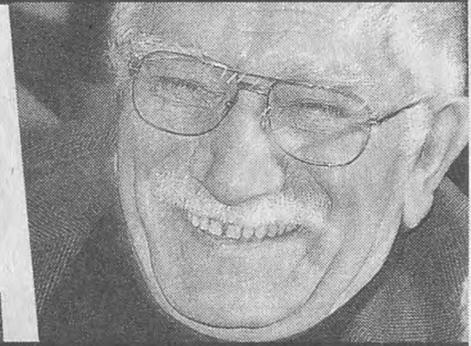
— Имидж. Мне это совсем не нужно. Мне объясняли, что нельзя в свитере приходиться к председателю совета министров. А я шел. И власть не люблю. Во мне, не вообще власть. У меня есть проблемы, со мной связанные, но вот чтобы: "Вон отсюда!" — этого нет.

— А разве вы себе раньше это позволяли?

— Конечно. Ну говорю: "Будьте любезны, выйдите отсюда". Но ведь дело не в форме, а в том, что я — начальник. Я очень люблю это выражение — "Не делайте то, что мы делаем. Делайте то, что мы говорим". Это из "Декамерона". Мои рассуждения иногда бывают диаметрально противоположными моим поступкам. Мне говорят: "Вы мудрец". Какой я, извини за выражение, мудрец, когда я живу самым элементарным скотским образом. Самым элементарным: копится газ, и я пускаю — вот и вся мудрость. Мудрость — это не думать и говорить, а жить так, делать так. А я часто ловлю се-

ИТАР-ТАСС

ГЕННАДИЙ ЧЕРКАСОВ

бя на том, что я делаю совсем наоборот, ну как принято, как удобно или как надо.

— Как у вас изменилось отношение к артисту Джигарханяну? И что вы про него поняли?

— Я тебе скажу честно: я в своей жизни пережил очень много разных потрясений. Потом привык к этому. Я иногда был почти убежден (мы договорились, что я врать не буду), что я гениальный артист. Сыграл хорошую сцену в "Сократе", "Нероне", в "Трамвае "Желание". Зал замер, и пошло что-то. И я думал: "Бля..." (как будто задыхается. — М.Р.) А потом я думал: "Кто мне сказал: иди в артисты?" Только позже я начал понимать, что это такая профессия, она из этого состоит и должна из этого состоять. И тут мы приходим снова к тому, что это все равно что заниматься любовью. Я испытал на сцене, говорю тебе без громких слов, восторг. Когда я понимал, что я куда-то взлетел. У меня все ис-ка-зи-лось! Я даже не знаю, как я выглядел со стороны! А потом это начало сбивать.

— В этот момент вы, Армен Борисович, поняли, что пора уходить со сцены, пока не вынесли?

— Не могу тебе сказать — понял. Я ничего не понял и никогда не пойму. Просто в одно прекрасное утро осознал — где-то зубы выпали, где-то партнершу не услышал... И так накопилось, накопилось. Думал: "Ничего, ничего, ничего не делай, все вернется, опять начнется зуд". Пока не начинается. У меня с курением так же — за 9 лет, что я не курю, даже ни одной секунды не было — ух, 2 затяжки бы! Представляешь? А я ведь 30 лет курил.

— Но, если бы у вас не было театра, вы бы ушли со сцены?

— Да, ушел.

— А что стали бы делать: сидеть в обнимку со своим котом, который знаменит не меньше своего хозяина?

— Может, и так. Хотел бы — много есть что почитать. Гулял бы. Кино или реклама — поехал бы. Есть еще вариант — взял бы машину, посадил бы в нее жену, кота, и мы отправились бы по Америке гулять. Третий вариант — погулял,

вернулся, почитал, может быть, подумал, музыку послушал.

— Я правильно понимаю: вы бежали-бежали и вдруг резко остановились?

— Нет. Я всегда, при самой высокой напряженности моей жизни, никогда не бежал. Я выключал телефон в квартире. Меня искали по всей стране, а я понимал, что я дошел. Потом появлялся. В такие моменты хорошо уехать, на 2 дня, даже на один.

— То есть вы довольны Джигарханяном?

— Нормально. Артист Джигарханян не поставлен в экстремальную ситуацию. Вот сейчас поговорим, я пойду посмотрю, как идет репетиция, потом поеду домой, выпью височки, мое золотишко.

— А деньги — изменилось отношение?

— Спокойно. Не могу сказать, что ненавижу. Я всегда уважительно относился к деньгам. Не помню, кто сказал, может, Маркс, что деньги вообще могут не быть. Вот это меня бы очень устраивало. Потому что я не знаю, что-то дорожное или дешево стоит. Торговаться не умею.

— Минуточку, вы же восточный человек.

— Я совсем не восточный. Ничего варить не умею.

— Ну шашлык-то, я надеюсь, сможете замариновать?

— Да ты что? Нет. Никакой генетики. Вот у меня друг был — русский, милицкий начальник — так он такие шашлыки делал.

— Вы дружите с коллегами артистами?

— Нет. Вообще к дружбе отношусь достаточно осторожно. Я всегда был одинокий. Нет, не одиночка. Меня кто-то поправил — уединенный.

— Получается, что если у вас нет потребности в дружбе, то вы и друг...

— Почти никакой. Что мы подозреваем под дружбой? Я довольно серьезно помог многим людям. Серьезно! В больницу устраивал, материально помогал, но вот чтобы взапас — нет.

— А если беда?

— Сам справляюсь. Самые трагические минуты моей жизни я никому не навязывал. Когда погибла дочь, ко мне ходили, приходили каждую минуту, говорили — тоже нет. Мне хуже от этого. Не надо бояться — это же я, это моя жизнь, моя потеря, мое обретение. Может, я и не прав, но пока 70 лет так прожил.

Мне говорят: "Гордость армянского народа". Какого армянского народа? Фамилия. Покажите этих людей, и я скажу: гордость — не гордость.

— А когда вы покинули этот армянский народ?

— Сейчас скажу — в 67-м году. 32 года мне было. 39 уже живу в Москве. Такие дела, вот, мамочка моя.

— Ну и самый главный вопрос — как изменилось понимание любви?

— Я однажды сказал об этом и сильно обидел мою жену. Я не отвечаю за любовь, я другое знаю — чувство ответственности. Вот я, извини за пафос, за кота и мою жену я не пожелаю даже жизни. Но не знаю, любовь это или нет.

— Неужели вы ни одной женщине не сказали: "Люблю тебя"?

— Конечно, говорил. Жил конвейерной системой. Поэтому я могу об этом рассуждать. Пошлейшее было, и страшнее пошлейшего тоже. И потом, не забудь, что я актер. Я ведь все это сыграл — и в жизни, и на сцене. Интересно, как реагируют, как слушают. Вот в чем старость: раньше я от этой игры — "как ты меня любишь" — получал удовольствие, сейчас — не могу.

Я-то знаю больше тебя, что в моем организме что-то вымирает, постарело, отпало. Это место надо чем-то занять. Некая пустота возникает. Один человек не может распределиться среди внуков, внучек. У меня никого нет.

Связь понимаю, физиологическое (из области запахов) тоже понимаю. Но я думаю, люди больше чужие. У меня лично нет проблемы, у меня есть чувство гипертрофированной ответственности. И еще — очень сильный комплекс вины. Вообще. Перед Богом. Перед своей совестью.

Я знаю, что такое старость. Это невероятное беспокойство. Хотя дела идут хорошо, я не инвалид (у других в моем возрасте бывает хуже), но я просыпаюсь и не могу заснуть — беспокоюсь. Придумали — походи в церковь, свечку поставь, походи на могилу — это зовет тебя мать. Не верю.

Марина РАЙКИНА.